

Забросанные по рукописям, по полям черновых тетрадей быстрые заметки мыслей собирались бережно издателями В.М. Шукшина, печатались, и вот в девятитомном собрании сочинений, выпущенном в 2014 году в Барнауле, составились, может быть, в окончательном своем виде. Их 142.

Хорошее дело сделали земляки: девятитомное собрание — не шутка, да еще как следует комментированное. Тома солидные, тяжеловатые.

Итак, «Рабочие записи». Название такое дано, конечно же, издателями. Здесь и афоризмы, и наблюдения, автобиографические заметки и наметки направлений мышления. Мыслить — это искусство.

Шукшина все знают, в основном, как мастера рассказов, кинорежиссера, актера. А тут, в этих записях, он филолофствует.

«Когда человек быстро с тобой согласился, значит: или он очень слаб, или очень силен» — классический афоризм; здесь присутствует все: внезапность, глубина и точность психологического наблюдения, емкость слова.

«Самые наблюдательные люди — дети. Потом — художники».

«Нет, литература — это все же жизнь души человеческой, никак не идеи, не соображения даже самого высокого нравственного порядка».

«Пробовать писать должны тысячи, чтобы один стал писателем».

И еще, и еще. Но все это нужно читать!

Есть у Шукшина и признания, например, такое: «Не могу жить в деревне. Но бывать там люблю — сердце обжигает».

Эта тема его мучила, конечно. Чувствовал он какую-то неловкость перед земляками (о чем не раз и говорил, и писал). Как-то ему все казалось, что он в чем-то виноват (что уехал за счастьем в город, оставив село). Но мы знаем теперь, что он прав был, уезжая: много красоты принес он в мир.

Вообще, Шукшин выступает здесь, в «Рабочих записях», знатоком анализа. И это у него так — в письмах, в статьях, в интервью. Анализ у него — как постоянная нота, доминанта.

Хотя в рассказах, например, он этого явно не показывает. Ну да это так и нужно — в рассказах.

Вот о писательстве:

«Сюжет? Это — характер. Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будет два разных рассказа — один про одно, второй совсем-совсем про другое».

А вот — похожее на открытие:

«Форма?.. Форма — она и есть форма: можно отлить золотую штуку, а можно — в ней же — остудить холодец. Не в форме дело».

Простая, по-новому выраженная (а значит, и понятая) мысль:

«Говорят, когда хотят похвалить: "Писатель знает жизнь". Господи, да кто же ее не знает! Ее все знают. Все знают, и потому различают писателей — плохих и хороших. Но только потому: талантливы и менее талантливы. Или вовсе — бездарь. А не потому, что он жизни не знает. Все знают».

Есть и лирика, и все же — анализ:

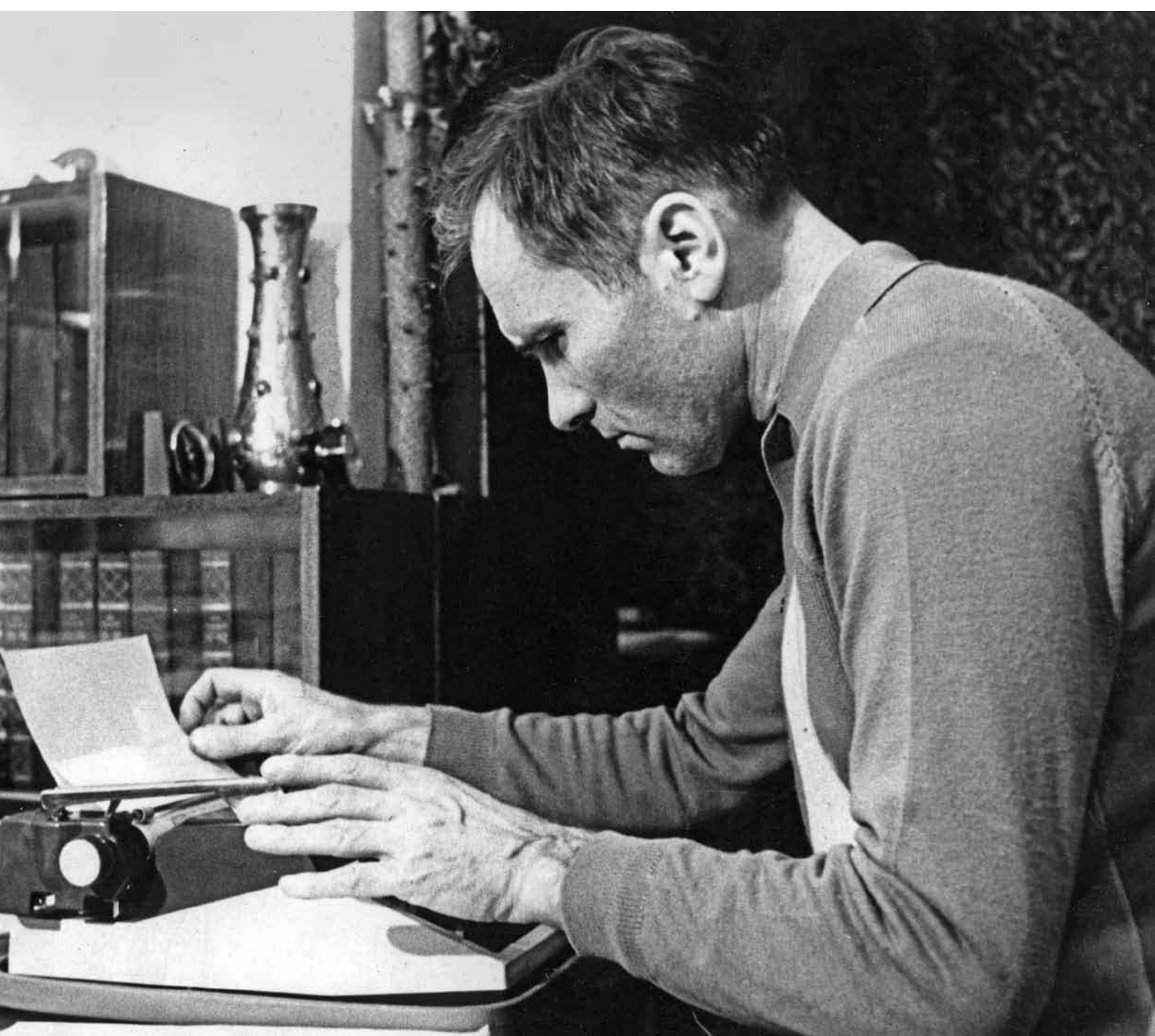
«Вот — ласточки: стремительный, капризный лет — играют? Они работают: ловят мошек, которые тоже, наверно, умеют вернуться. А мы — про людей, которые протирают штаны в креслах — работают! Кто?!!»

И здесь, думаю, надо начать о том Шукшине, который изболелся душой (а надрывался — сердцем). Он пишет в одном из поздних писем Белову (письме отчаянном): «...а болит ли у тебя внутри тоже — как у меня?» И вот из этой-то боли, по-видимому, и слагается в полном смысле слова человек. И такой человек стремится к правде.

«Непонятные, дикие, странные причины побуждают людей скрывать правду... И тем-то дороже они, люди, роднее, когда не притворяются, не выдумывают себя, не уползают от правды в сторону, не изворачиваются всю жизнь. Меня такие восхищают. Радуют».

И следом:

«Ложь, ложь, ложь... Ложь — во спасение, ложь — во искупление вины, ложь — достижение цели, ложь — карьера, благополучие,

Фото Анатолия Ковтуна. Предоставлено ГМИЛИКА

ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой».

Это уже строки человека, словно бы окруженного вражеским. Верчение меча вокруг. В таком деле, укрепившись на своем рубеже, наверное, каждый человек одиноко говорит. Но почему так сложилось, и не лучше ли — наоборот?

Но он не одинок.

«Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую».

И: «Родина — это серьезно».

И это не просто слова.

Вообще, по силе постижения образа болящей Родины, по страстности, с которой берегут

этот образ где-то в сердце, в самой середке сердца — Шукшину под стать, может быть, только Рубцов, в котором тоже было, ой, сколько боли за Родину. И Рубцов, мне думается, мог бы поставить подпись под следующим восклицанием Шукшина:

«Черт же возьми! — в родной стране, как на чужбине».

И все же народная любовь к Шукшину огромна! Здесь можно бы поставить точку, но хочется еще добавить, что Шукшин выступает в «Рабочих записях» художником, даровитым именно на мысли. А просто так, не из чего, не думается.

Вот теперь — точка. ■